

Н.В. Шелгунов

Сочинения. Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.В. Шелгунов**
Сочинения. Том 1 / Н.В. Шелгунов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 380 с.

ISBN 978-5-518-10788-5

ISBN 978-5-518-10788-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

УБЫТОЧНОСТЬ НЕЗНАНІЯ.

Въ настоящихъ четырехъ главахъ предлагается читателю обзоръ главнѣйшихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ матеріальному благосостоянію людей.

Вопросы экономическаго быта считались всегда самыми существенными, но по разнымъ причинамъ челоуѣчество еще не доросло до взаимно-выгоднаго практическаго ихъ разрѣшенія.

Бѣдность создавалась главнѣйше рабствомъ и войнами.

I.

Рабство.

Изъ всѣхъ существующихъ знаній самое слабое, разумѣется, исторія.

Въ физиологіи, химіи, математикѣ не можетъ быть произвольныхъ толкованій: Физиологія знаетъ отправленіе сердца, сущность кровообращенія, пищеваренія, значеніе нервовъ. Для нея невозможно навязывать желудку то, что зависитъ отъ нервовъ, или смѣшивать отправленіе головного мозга съ отправленіемъ кишекъ. Въ химіи то же самое. Условія, при которыхъ соединяются тѣла и образуются новыя, извѣстны уже на столько, что химія знаетъ точно, что при соединеніи кислорода съ водородомъ въ данной пропорціи образуется непременно вода, а не камень, не дерево.

Очевидно, что науки эти овладѣли уже нѣкоторыми основаніями, и тѣ непреложныя условія, при сочетаніи которыхъ образуются непременно извѣстныя ощущенія, или соединенія, они называютъ законами. Но подобныхъ законовъ исторія, какъ наука, для себя еще не открыла. Поэтому, ни одно знаніе не представляетъ болѣе удобнаго случая для личныхъ соображеній и заключеній, т. е. для произвольныхъ гипотезъ, какъ исторія.

Разумѣется, дѣло исторіи труднѣе, чѣмъ какого бы то ни было другаго знанія, потому что исторія, какъ общій законъ всего хода развитія челоуѣ-

чества поглощаетъ въ себѣ все остальные знанія. Но трудность разработки этой науки не столько качественная, сколько количественная, вследствие обилія вспомогательныхъ знаній.

Исторія, желающая открыть законы развитія и жизни народовъ, разумѣется, прежде всего должна знать тѣ законы, которые открываетъ физиологія, изучающая организмъ отдѣльнаго человѣка и вліяніе на него ви́шней среды. Съ знаніемъ физиологическихъ законовъ и съ тѣми фактами, которые открываетъ статистика, исторія перестанетъ быть сборникомъ анекдотовъ и разныхъ рассказовъ, изъ которыхъ каждый читатель выбираетъ то, что ему по вкусу. Такъ человѣкъ съ перьями жесткими восторгается всеми военными событіями и приходитъ въ особенный восторгъ именно отъ такихъ изъ нихъ, гдѣ наиболѣе пролито крови, и гдѣ люди походили наиболѣе на дикихъ звѣрей. Другой, человѣкъ болѣе мягкій, впадаетъ въ нѣжную чувствительность отъ добродѣтелей Тита и готовъ благодѣтельствовать все человѣчество, не понимая однако, что значить добро. Третій хочетъ видѣть въ исторіи наставника; ищетъ въ ней какіе-то уроки, не подозревая вовсе, что до сихъ поръ исторія не дала еще никому ни одного полезнаго для человѣчества наставленія, и только собирается искать общіе законы прогресса.

Но исторія и не сдѣлаетъ успѣховъ до тѣхъ поръ, пока историки не познакомятся лучше съ естественными науками; пока они не узнаютъ физиологіи и взаимно-дѣйствующихъ вліяній отравленія организма и ви́шней среды; пока они не узнаютъ статистики.

Какъ ни слабы успѣхи естественныхъ наукъ, но они настолько богаты наблюденіями, что въ состояніи помочь историкамъ въ ихъ дѣлѣ.

Если же историковъ не удовлетворяютъ факты, разъясненные естественными науками; если ни физиологія, ни статистика не представляютъ, по ихъ мнѣнію, достаточный запасъ точныхъ наблюденій, чтобы по нимъ дѣлать безошибочныя заключенія хотя о нѣкоторыхъ историческихъ явленіяхъ, то это недовольство не должно бы мѣшать воспользоваться другимъ открытіемъ естествоиспытателей—ихъ научнымъ приѣмомъ, съ помощью котораго они, если не всегда могутъ сказать, когда то или другое предположеніе вѣрно, зато всегда безошибочно могутъ опредѣлять, когда оно невѣрно.

Критическое изложеніе событій съ исключительнымъ указаніемъ того, что приносило человѣчеству пользу и что приносило вредъ, привело бы къ заключенію, можетъ, нѣсколько обидному для самолюбія человѣчества, но зато во всякомъ случаѣ къ заключенію болѣе полезному, чѣмъ отсутствіе всякихъ выводовъ.

Принимая основаніемъ только признанную физиологіей и статистикой полезность и бесполезность тѣхъ или другихъ явленій для отдѣльнаго и для коллективнаго организма, пришлось бы все дѣйствія человѣчества раздѣлить на двѣ группы—на группу явленій полезныхъ и явленій вредныхъ для прогресса.

Подобной группировкой явленій, если и не всегда опредѣлится, что нужно дѣлать, то ужъ во всякомъ случаѣ разъяснится, чего дѣлать не слѣдуетъ.

Исторія покажетъ тогда, что человѣкъ напрасно гордился тѣмъ, что онъ вѣнецъ творенія; что коллективный человѣкъ, несмотря на прожитыя имъ тысячелѣтія, умѣлъ только чувствовать, когда его кололо что-нибудь, но не умѣлъ устранить безпокоившаго его предмета; что коллективный человѣкъ не научился еще согласовать ощущеній съ дѣйствіями, и шелъ такимъ медленнымъ путемъ, что даже нынче, послѣ многихъ вѣковъ, большинство людей на земномъ шарѣ находится на той же степени знанія, на какой оно было при сотвореніи міра.

Даже исторія гордой своей цивилизаціей Европы представляетъ исключительно факты, подобные тѣмъ, какіе замѣчаются въ жизни младенца: это барахтанье ребенка, рядъ неудачныхъ попытокъ и опытовъ, моменты отчаянія и безнадежности.

На сколько это справедливо—указываетъ статистика прошедшаго и факты, сообщаемые исторіей преимущественно древняго міра.

Что представляетъ намъ исторія древняго міра? Самъ онъ не понималъ себя; у него не было никакихъ знаній, кромѣ нѣкоторыхъ ложныхъ догадокъ и гипотезъ, которыя составляли его вѣчное несчастье и постоянно представляли его дѣлать только то, что вредило ему. Эти первые шаги коллективного человѣка, которые онъ дѣлалъ совершенно наудачу, показали послѣдующей Европѣ почему-то наслѣдіемъ вѣковъ.

Ошибка такого заключенія была въ томъ, что человѣкъ, вмѣсто правильного понятія о періодѣ развитія, составилъ себѣ чисто-условную идею о прогрессѣ, смѣшавъ его съ движеніемъ времени. Разумѣется, 2,500 лѣтъ сравнительно съ 50 лѣтнимъ вѣкомъ человѣка величина большая, но въ періодѣ развитія они ничего не значатъ. Здѣсь важно не 2,500 лѣтъ, а сумма всѣхъ условій, необходимыхъ для развитія. А какія именно эти условія, были ли всѣ они на лицо и отчего они зависятъ?

Исторія въ томъ видѣ, какъ ее обыкновенно рассказываютъ, не даетъ не только отвѣта на этотъ вопросъ, но она даже не посмотрѣла на прожитую человѣчествомъ жизнь съ этой рациональной точки зрѣнія. Вотъ почему и нужно ожидать, что наконецъ явится новая разработка исторіи древняго міра, не похожая на прежніе труды историковъ. Это значитъ, что съ успѣхами естественныхъ наукъ и фізіологіи, и при посредствѣ статистическихъ изслѣдованій исторіи попытаются прослѣдить вновь періодъ развитія человѣчества, называемый древнимъ міромъ, и опредѣлить законы его жизни совершенно также, какъ это дѣлаетъ фізіологъ, наблюдающій зачаточный періодъ или дѣтскій возрастъ ребенка.

Какъ фізіологія опредѣляетъ условія, необходимыя для развитія каждаго отдѣльнаго организма, опредѣляетъ что для него вредно и что полезно, и при какихъ данныхъ возможно вполне самобытное, правильное и здоровое существованіе, такъ и исторія, эта фізіологія и патологія коллективного человѣка, опредѣляетъ тѣ неизбѣжные законы, при которыхъ должно совершаться здоровое развитіе общественнаго организма.

Если съ этого фізіологическаго основанія смотрѣть на факты, представ-

ляемые исторіей древняго міра, то поучительность такого изученія окажется преимущественно въ его отрицательномъ свойствѣ. Главнѣйшій урокъ прошедшаго въ томъ, чтобы не повторять стараго.

Здѣсь мы взглянемъ на нѣкоторыя явленія, представляемыя исторіей исключительно въ смыслѣ ихъ экономического значенія, т. е. нліянія на бѣдность и богатство народовъ. Факты эти самые крупные и потому самые легкіе для пониманья.

Не существуетъ никакихъ причинъ думать, чтобы матеріальныя потребности людей были прежде иного свойства, чѣмъ у людей нашего времени.

Напротивъ, человѣчество не стремилось никогда такъ сильно къ удобствамъ и къ наслажденію жизнью, какъ въ древнемъ мірѣ. Эти наслажденія и удобства были однако такого свойства, что должны были вести за собой самыя печальныя послѣдствія, какъ для отдѣльныхъ организмовъ, такъ и для всего общества.

Причина, почему матеріальный бытъ древняго Рима долженъ былъ привести къ тому явленію, какое обыкновенно называютъ его паденіемъ, заключалась исключительно въ томъ, что Римъ жилъ гипотезами, что у него не было точныхъ знаній, что его философія и наука были произвольными толкованіями ежедневно представляющихся явленій. Это былъ первый опытъ убѣдившій въ несостоятельности гипотезъ, правильность которыхъ ничѣмъ не доказана.

Самая крупная гипотеза древняго міра заключалась въ томъ ученіи, которымъ опредѣлялись гражданскія отношенія людей между собой. Эврипидъ, принимая закономъ существующій фактъ, говоритъ, что сама природа назначила грекамъ быть свободными, и варварамъ быть рабами.

Но Эврипидъ былъ поэтъ, т. е. онъ могъ ошибаться легче, увлекаясь призраками воображенія. Этого однако нельзя, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ предполагать, относительно тѣхъ великихъ умовъ древности, гипотезы которыхъ служили такъ долго Европѣ исключительнымъ источникомъ знанія.

Аристотель прямо признаетъ рабство естественнымъ явленіемъ, неизбѣжнымъ въ человѣчествѣ. Онъ говоритъ, что такъ же естественно, чтобы между людьми одни были свободными, какъ другіе рабами, и что для послѣднихъ рабство такъ же полезно, какъ и справедливо. Когда одинъ человекъ на столько ниже другого, на сколько тѣло ниже души, на сколько скотъ ниже человека, и когда исключительно физическая сила есть единственная способность человека—такой человекъ есть рабъ по натурѣ. Такому человеку лучше всего отдаться подъ власть господина.

Здѣсь Аристотель возводитъ прямо въ право то, что требуетъ еще доказательства.

Платонъ, напротивъ, выражается осторожнѣе. Онъ говоритъ, что человекъ есть животное, которымъ управлять не легко, и которое отдается съ большимъ трудомъ разграниченію между свободнымъ и рабомъ, господиномъ и слугой, введенному по необходимости. Рабъ—мебель довольно стѣснительная, прибавляетъ Платонъ.

Ясно, что Платонъ какъ будто бы сомнѣвался въ правильности существующаго факта, но у него не было другого идеала, кромѣ того, что онъ видѣлъ; а воображеніе его было такъ слабо, что, черпая матеріалы изъ окружающаго его міра, онъ не могъ предвидѣть возможности общества на иныхъ основаніяхъ.

Такимъ образомъ и Аристотель, и Платонъ возводили въ законъ существующее, потому что не видѣли фактовъ другого рода, которые бы могли привести ихъ къ инымъ заключеніямъ. Отъ этого не только они, но и все древнее общество, идя весьма логически отъ своего невѣрнаго основанія, должны были придти къ выводамъ довольно страннымъ, хоть и послѣдовательнымъ. Поэтому понятно, почему Платонъ пришелъ къ такому заключенію: если рабъ, говоритъ Платонъ, убьетъ свободнаго человѣка, даже защищаясь противъ него, то долженъ быть наказанъ, какъ за отцеубійство.

Философы своимъ ученіемъ оправдали только то, что жило и безъ нихъ въ обществѣ убѣжденіи. Они не сказали ничего новаго, не открыли никакой истины; они даже и не могли придти путемъ логическихъ построеній къ правильнымъ выводамъ, потому что не владѣли никакими знаніями и не могли ничѣмъ провѣрить себя.

Во всемъ этомъ видѣнъ только первый опытъ незнанія и приложенія ошибочной гипотезы къ политическимъ учрежденіямъ огромнаго размѣра.

Основаніе, изъ котораго шли римляне было весьма просто. Это законъ, существующій теперь и который будетъ существовать вѣчно. Законъ этотъ — польза, выгода.

Римляне, какъ люди практическаго смысла, дѣлали только то, что казалось имъ выгоднымъ и полезнымъ. Только эта причина и заставила ихъ оставить манеру дикарей, убивающихъ побѣжденныхъ ими непріятелей. Для римлянина, жившаго гражданскимъ обществомъ, было выгоднѣе взять врага къ себѣ въ работники и избавить себя тѣмъ отъ непріятной необходимости трудиться.

Писатели нынѣшняго времени обыкновенно возмущаются отвращеніемъ римлянъ отъ труда, и тѣмъ, что для нихъ война и грабежъ казались занятіемъ болѣе достойнымъ гражданина. Причина этого взгляда римлянъ на трудъ объясняется очень просто.

Извѣстно, что трудъ такъ же необходимъ для человѣческаго организма, какъ ѣда и сонъ. Извѣстно также, что единственнымъ побужденіемъ къ труду служить личная необходимость человѣка удовлетворить своимъ потребностямъ; однимъ словомъ, человѣкъ трудится потому, что ему нужно пить, ѣсть, имѣть одежду, помѣщеніе и удовлетворять и другимъ своимъ потребностямъ. Во всѣхъ родахъ труда, гдѣ человѣкъ долженъ произвести самъ все необходимое ему предметы, трудъ не заключаетъ въ себѣ ничего пріятнаго. Вспахать собственными руками десять десятинъ земли, взборонить ихъ, засеять, сжать, привезти хлѣбъ домой, высушить, вымолотить, смолоть—все это требуетъ очень усиленной дѣятельности мышцъ,—болѣе усиленной, чѣмъ сколько это нужно для поддержанія организма въ здоровомъ состояніи. А всякая уси-

ленная дѣятельность, т. е. трудъ бѣльшій, чѣмъ сколько нужно его собственно для организма, есть уже непріятность. Люди съ неразвитыми потребностями, когда имъ приходится работать самимъ на себя, стараются по возможности облегчить свой трудъ, выполняя его кое-какъ. По этой причинѣ забайкальскій житель стронть себѣ обыкновенно одну избу, маленькую, изъ тонкаго лѣса, потому что ему пріятнѣе жить въ тѣсномъ углу и забнуть, чѣмъ трудиться на столько, чтобы вмѣсто одной имѣть двѣ избы; по этой же причинѣ забайкалецъ не дѣлаетъ при дождѣ ни хлѣва, ни амбаровъ, не роетъ колодца, потому что ему выгоднѣе, т. е. легче держать коровъ на открытомъ воздухѣ во всю зиму и кормить скоть скудно, не смотря на то, что половина его погибнетъ къ веснѣ, чѣмъ стронть хлѣвъ, или рыть колодезь, когда можно пользоваться хоть и грязной, но готовой водой; по этой же причинѣ забайкальскія бабы доятъ коровъ бурятскимъ способомъ, припуская теленка и необмывая вымя, потому что бабѣ выгоднѣе пить молоко воняющее навозомъ, чѣмъ обмывать вымя. Это все разные способы убавить непріятность труда, или довести трудъ до минимума. Если бы каждому изъ насъ пришлось убирать самому свои комнаты и оправлять постели, то непріятность труда, разумѣется, пріучала бы насъ быть менѣе взыскательными на чистоту, чѣмъ это нынче, когда чистота комнатъ лежитъ на обязанности прислуги. Не существуетъ и не можетъ существовать на свѣтѣ такого нормальнаго человѣческаго организма, которому бы усиленный трудъ былъ полезенъ и слѣдовательно пріятель. Поэтому каждый человѣкъ стремится къ облегченію своего труда на столько, на сколько позволяетъ минимумъ потребностей, и въ этомъ же причина, почему изобрѣтеніе машинъ должно современемъ оказать человѣчеству большую услугу. Чтобъ довести трудъ до такого размѣра и качества, чтобы онъ былъ только пріятель и никакъ бы не приближался къ предѣлу, за которымъ начинается его усиленное дѣйствіе на организмъ, т. е. непріятность, нужны такіе успѣхи знанія, какими человѣчество еще не располагаетъ.

Когда человѣчество даже нынче не дошло еще до такихъ успѣховъ въ механикѣ и въ техническихъ занятіяхъ, то что же могло быть въ древнемъ Римѣ, когда не только не существовало промышленной технологіи и механики, но даже не было хорошио устроенныхъ дорогъ. Вотъ почему римляне, желавшіе, какъ и всѣ люди нынче, убавить свой трудъ, нашли одно средство для этого — рабство. Они разсуждали правильно, что усиленный трудъ ослабляетъ умственные способности; они знали изъ опытовъ, что, проработавъ съ утра до вечера до упадка силъ, невозможно заниматься уже дѣлами управленія. И римлянинъ по своему былъ правъ, когда, считая себя господиномъ, онъ приводилъ къ себѣ домой своего плѣннаго врага и дѣлалъ его своимъ рабочимъ, а самъ занимался исключительно дѣлами государственными и разными, какъ ему казалось, высшими соображеніями.

Въ томъ, что римлянинъ дѣлалъ трудъ правильно — на трудъ пріятный и непріятный, нѣтъ ровно еще никакой причины негодовать на древній міръ за неуваженіе его къ труду. Нельзя чувствовать ни любви, ни уваженія къ

тому, что производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе. Это физиологическій законъ, на которомъ основанъ весь прогрессъ человѣчества. Это законъ, который разъясняетъ намъ двѣ трети историческихъ фактовъ. Такимъ образомъ теоретическій взглядъ римлянъ на трудъ былъ вполне правиленъ, но они не умѣли только разрѣшить его практически и заплатились за это тѣмъ, что ихъ громадное государство разсыпалось.

Выгода и облегченіе всѣхъ матеріальныхъ трудностей жизни были такимъ же основнымъ экономическимъ закономъ древняго міра, какииъ они остаются и до нынѣ. Предполагая, что только человѣкъ, избавленный отъ физическаго усиленнаго труда, можетъ владѣть вполне своими умственными средствами, древній міръ, въ лицѣ представителей своей умственной дѣятельности, какъ Платонъ, Ксенофонтъ, Цицеронъ, Аристотель, возвелъ это мнѣніе въ социальный принципъ. Всѣ ручныя работы были признаны ими недостойными людей свободныхъ, и даже торговля допускалась ими для свободныхъ людей подъ двумя условіями: чтобы она приносила громадныя выгоды, и чтобы плоды ея можно было превратить въ недвижимое имущество. Въ Фивахъ, кто занимался разнымъ трудомъ, могъ воспользоваться правами гражданина только десять лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ оставилъ свое ремесло. У грековъ презрѣніе къ труду было такъ велико, что философъ Діофанъ рѣшился предложить обратить всѣхъ ремесленниковъ въ государственныя рабовъ.

Какъ нынче въ облегченіе труда стараются придумать разныя механическія средства и орудія, такъ древній Римъ замѣнялъ ихъ живой машиной — рабомъ. Рабъ былъ больше ничего, какъ извѣстная сила, которой римлянинъ старался довести свой личный трудъ до минимума.

Но эта живая машина была все-таки человѣкъ. Онъ могъ быть и очень слабыхъ умственныхъ способностей, но могъ быть человѣкомъ и другого закала, потому что въ числѣ народовъ, побѣжденныхъ римлянами, были и такіе, которые стояли если не выше, то и не ниже ихъ по цивилизаціи и развитію. Съ такой машиной управляться было не легко. И вотъ — цѣлая система законодательства, которой старались держать раба въ тѣхъ предѣлахъ, какіе были выгодны для римлянъ.

Рабъ не пользовался никакими гражданскими правами; бракъ для него не существовалъ, а признавалось простое сожитіе; родственная связь родителей съ ихъ дѣтьми могла быть по словамъ Аристотеля всегда разорвана; родство для нихъ не существовало; если свободная женщина выходила за раба, то подлежала смертной казни, а раба сжигали. Въ Спартѣ, гдѣ жестокость обращенія съ рабами доходила до крайнихъ предѣловъ, рабъ, который бы вздумалъ сдѣлать измѣненія въ своемъ костюмѣ противъ назначенной формы, такъ что могъ быть смѣшанъ съ гражданиномъ, наказывался смертью. Тамъ же, чтобы не дать рабу забыть свое положеніе и держать его въ предѣлахъ установленной почтительности, отсчитывалось рабамъ каждый годъ извѣстное число ударовъ. Рабъ былъ поставленъ въ Римѣ наравнѣ съ домашнимъ скотомъ, такъ что число рабовъ считалось головами. Поставленный въ число ве-

щей, рабъ и продавался какъ вещь; у римлянъ составилось цѣлое законоположеніе, которымъ опредѣлялась система продажи, цѣна рабовъ, предупреждались и наказывались обманы торговцевъ рабами.

Весь рабовладѣльческій порядокъ былъ опредѣленъ чрезвычайно точно и обстоятельно. Это, разумѣется, не составляло особенной трудности, по тѣмъ свойствамъ головного мозга, которыя зовутся логикой.

Въ логикѣ есть свой безошибочный законъ построенія, по которому такъ же легко придти къ самымъ нелѣпымъ выводамъ, какъ и къ выводамъ противоположнаго свойства. Въ томъ и другомъ случаѣ процессъ мысли и трудъ построеній одинъ и тотъ же. Вся задача не въ логикѣ, а въ выборѣ вѣрной точки отправленія. Если бы у римлянъ всѣ гражданскія отношенія вытекали изъ равноправности, имъ было бы нисколько не труднѣе составить весьма послѣдовательное свободное законодательство, такое же полное и обстоятельное, какъ и то, которое они составили для своихъ учрежденій, построенныхъ на началахъ рабства.

Римляне создали себѣ именно такую, а не другую экономическую теорію, потому что у нихъ не было возможности придти къ другому основанію. Построивъ свою экономическую силу на логикѣ рабства, имъ казалось необходимымъ сдѣлать изъ своего раба настоящую машину. Поэтому рабы, особенно употреблявшіеся для земледѣлія, были совершенно обременены работой. На нихъ смотрѣли съ наибольшимъ презрѣніемъ, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ рабовъ. Въ глазахъ господина земледѣльческій рабъ былъ совершенное животное, не отличавшееся ничѣмъ отъ вола и осла. Но были рабы, положеніе которыхъ было еще хуже—это рабы, употреблявшіеся для разработки рудниковъ. Здѣсь рабы безъ различія пола и возраста работали до полного истощенія силъ. Ихъ держали такъ, что имъ нечѣмъ было прикрывать даже свою наготу. Для нихъ не существовало ни срока работъ, ни милосердія. Больные, изувѣченные, женщины и старики работали подъ кнутомъ, пока падали отъ истощенія силъ. Работа была такъ трудна и наказанія такъ жестоки что, огромное число рабовъ вымирало очень скоро, не вынося тягостей. Чтобы больше огрубить рабовъ, ихъ держали въ цѣпяхъ: въ ногахъ, въ рудникахъ въ каменоломняхъ, въ оружейныхъ, вездѣ можно было встрѣтить рабовъ въ кандалахъ на шеѣ, или на ногахъ. У множества рабовъ были головы совершенно бритыя, у другихъ выбрита половина головы. Но это дѣлалось не со всѣми. Общій же для всѣхъ рабовъ знакъ ихъ зависимаго положенія составляло клеймо, выжженное каленымъ желѣзомъ на лбу или на щекѣ. Были даже такіе господа, которые выжигали на лицахъ своихъ рабовъ свое собственное имя.

Пища рабовъ была самая жалкая, въ такомъ количествѣ, и такого качества, чтобы не истощить силъ рабочаго до упадка. Случалось не рѣдко, что бѣдные господа привязывали къ шеѣ рабовъ, вертящихъ жернова, доску съ отверстіемъ посрединѣ, чтобы помѣщать имъ ѣсть муку, которую бы имъ удалось собрать руками изъ подъ камней.

Такое жалкое содержаніе, усиленный трудъ, жестокия наказанія, порождали

между рабами множество болѣзней. Въ древности были частыя эпидеміи, поражавшія исключительно классъ рабовъ.

Отъ больныхъ и безсильныхъ рабовъ старались обыкновенно избавиться всѣми средствами. Ихъ или продавали за безцѣнокъ, вмѣстѣ съ какии-нибудь старымъ хламомъ, или, что еще скорѣе, бросали на произволь судьбы. Такъ въ Римѣ, на Тибрѣ, находится пустынный, заброшенный островъ, прозванный въ насмѣшку островомъ Эскулапа. На этотъ-то островъ отвозили больныхъ рабовъ, возлагая излеченіе ихъ на бога медицины.

Рабовъ, умершихъ дома, у своихъ господъ, бросали просто въ ровъ вмѣстѣ съ павшими животными.

Такъ же послѣдовательны были римляне и въ своей системѣ наказанія. Въ рабѣ предполагалось существо иного свойства, чѣмъ свободный гражданинъ, — существо болѣе грубой и нечувствительной плоти; а потому и наказанія для рабовъ должны были быть гораздо сильнѣе и суровѣе. Такимъ образомъ рабовъ распинали на крестѣ, рвали имъ мясо и оставляли ихъ умирать въ страшной и продолжительной агоніи, или кололи виновнаго въ мельничныхъ жерновахъ, или облѣпляли голову смолой и сдирали сразу кожу съ черепа; обрубали постепенно носъ, губы, уши, руки, ноги и оставляли его въ такомъ видѣ умирать въ страшномъ и продолжительномъ мученіи, или подвѣшивали голаго на четырехъ желѣзныхъ цѣпяхъ, оставляя на съѣденіе хищныхъ птицъ.

Логика римскаго права, построенная на ложномъ началѣ, встрѣтила однако маленькое затрудненіе, когда придуманная Римомъ гипотеза столкнулась съ общимъ физиологическимъ закономъ. Приложеніе на практикѣ аристотелева правила — для раба не должно быть покоя, или правила Катона — рабъ или спитъ, или работаетъ, при той системѣ обращенія и наказаній, какія придумалъ Римъ, могло возбудить въ рабахъ только чувство непріятнаго, и чѣмъ рабъ былъ грубѣе, чѣмъ тяжелѣе работа и суровѣе взысканія, тѣмъ и чувство непріятнаго должно было выражаться въ формѣ болѣе грубой и жестокой. Рабъ ровно настолько же озлоблялся на своего господина, насколько тотъ мучилъ его. И нельзя сказать, чтобы римляне не знали совершенно этого. У нихъ была поговорка — сколько рабовъ, столько враговъ. Но у римлянъ не доставало силъ понять возможность иного общественнаго устройства, и они, по необходимости измѣнивъ своей логикѣ, вошли въ противорѣчіе. Зная, по опыту, изъ отдѣльныхъ случаевъ мести и возстаній массаи, что каждый рабъ есть врагъ своего господина и каждого свободного человѣка, римляне думали убить это вражеское чувство страхомъ. Въ случаѣ убійства господина рабомъ, подвергались смерти всѣ рабы — мужчины, женщины, дѣти, жившіе съ господиномъ подъ одной крышей. Кромѣ этой солидарной отвѣтственности, отъ рабовъ требовалось то, чего по логикѣ римскаго права отъ нихъ никакъ бы не слѣдовало требовать. Чего могъ ожидать, напримѣръ, Поліонъ, любимецъ Августа, который за разбитую вазу велѣлъ бросить раба въ садокъ съ муренами, или самъ Августъ, велѣвшій распять на мачтѣ своего управляющаго, убившаго и съѣвшаго его перещелку? То, что называется

любовью, преданностью, разумѣтся, не могло никакъ явиться въ рабахъ, если они были созданы по тѣмъ же физиологическимъ законамъ, какіе замѣчаются въ нынѣшнемъ человѣкѣ. Вслѣдствіе непріятныхъ внѣшнихъ вліяній въ рабѣ могли являться только непріятныя впечатлѣнія; онъ долженъ былъ ненавидѣть своего господина. Но римское право не хотѣло знать физиологія, ему казалось, что когда человѣка распинаютъ, четвертятъ, бросаютъ въ рыбный садокъ, когда его истомляютъ усиленной работой и недостаточной пищей, то все это должно производить на нервы раба такого рода пріятное ощущеніе, что въ немъ является чувство благодарности къ своему мучителю. Только этимъ незнаніемъ и можно объяснить тотъ римскій законъ, по которому отъ раба требовалась любовь, преданность, самопожертвованіе. Рабъ, не пожертвовавшій собой для спасенія жизни своего хозяина, подлежалъ смертной казни.

За этой ошибкой шла и другая. Чтобы рабъ былъ рабомъ, его систематически вели къ совершенному оупѣнію, и въ то же время требовали отъ этого человѣка-обезьяны человѣческой понятливости. Такъ господа хотѣли, чтобы рабы понимали ихъ взглядъ, малѣйшій знакъ, односложное приказаніе, и въ то же время рабъ не смѣлъ кашлять, не смѣлъ чихать при своемъ господиѣ.

Но какъ бы это искусственное доведеніе человѣка до состоянія животнаго не было сильно, оно не могло быть сильнѣе того физиологическаго закона, который разграничиваетъ животное двурукое отъ четверорукаго; по которому особенная сложность двурукаго организма обнаруживаетъ въ немъ исключительные сложные процессы и дѣлаетъ человѣка непохожимъ на собаку, лошадь, обезьяну. Римскіе законы были бы вполне примѣнны, еслибы римляне могли поубавить вѣсь головного мозга своихъ рабовъ, или уменьшить количество ихъ нервовъ. Не сдѣлавъ же этихъ измѣненій въ строеніи организма, нельзя было требовать отъ него чего-либо иного, кромѣ того, что онъ долженъ былъ производить; какъ нельзя заставить фіалку пахнуть розой, или заставить пось чувствовать пріятное ощущеніе, когда подносятъ къ нему воющее вещество.

Этого простаго обстоятельства не могъ понять древній міръ, и потому впалъ въ противорѣчіе. Стараясь огрубить раба, онъ въ то же время требовалъ отъ него выгодныхъ услугъ. Но чтобы человѣкъ могъ приносить услуги подобнаго рода, онъ долженъ умѣть размышлять и понимать свои обязанности, онъ долженъ находиться въ условіяхъ, способствующихъ его развитію. Положимъ, чтобы пахать землю и пасты скоть не нужно особенно высокаго развитія. Но вѣдь рабы же были медиками, архитекторами, грамматиками, философами, математиками.

Что римская система обращенія съ рабами была бессильна измѣнить ихъ физиологически и заставить ихъ нервы и головной мозгъ дѣйствовать съ иной силой, чѣмъ онъ долженъ дѣйствовать у человѣка свободнаго, это показали тѣ многочисленныя и страшныя возстанія рабовъ, которыя испытывалъ Римъ нѣсколько разъ. Сицилійское возстаніе и возстаніе Спартака показали, съ ка-